

спокоенъ, а Абдъ-Алла сидѣлъ неподвижно какъ статуя, словно замеръ на мѣстѣ, прислушиваясь къ стонамъ мнѣической птицы. Прошло еще минуты двѣ... Зловѣщіе крики невѣдомаго пѣвца становились все рѣзче и рѣзче, и, казалось, приближались. На моемъ храбрѣмъ Рашидѣ, смѣло глядѣвшемъ въ глаза смерти, теперь не было и лица. Близость непогребеннаго трупа и безъ того дурно дѣйствовала на суетвѣрнаго проводника, а при дикомъ крикѣ худхуда онъ трясся, какъ осиновый листъ. Многіе въ караванѣ уже спали давно, измученные дневнымъ переходомъ; бодрствующіе же видимо чувствовали себя не лучше, чѣмъ Рашидъ. Нѣсколько минутъ длилось это всеобщее оцѣпенѣніе, которое дѣйствительно могло разстроить нервы, даже не поддающагося общему влеченію, человѣка; но худхудъ не замолкалъ. Его потрясающіе, леденящіе душу крики, казалось, вырывались изъ могилы; въ тѣхъ заунывныхъ протяжныхъ столахъ слышался и вой дикаго звѣря, и стонъ умирающаго, и вопль страдальца, и еще что-то такое, чему нѣтъ опредѣленія на языкѣ человѣческомъ...

Вдругъ Абдъ-Алла приподнялся; его могучая фигура встала какъ привидѣніе, слегка озаренное отблескомъ костра. Онъ приподнялъ руку, поднялъ глаза къ небу и торжественно спокойнымъ голосомъ произнесъ:

— Да проклянетъ Господь этого дьявола, а насъ помилуетъ! — Какъ могучее заклинаніе, прозвучали эти слова въ ночной тиши въ мертвой пустынѣ и замерли въ отдаленіи... Старый хаджа, полуосвѣщенный пламенемъ костра, казался настоящимъ жрецомъ подземнаго бога, закливающимъ силы ада и преисподней и вызывающимъ духовъ. Я поглядѣлъ тогда снова на арабовъ. Большинство паломниковъ переполошилось, на лицахъ всѣхъ было написано не то изумленіе, не то страхъ. Боязливо перебирая четки и бормоча про себя священные зурѣ изъ корана, они исповѣдывали Бога и его великаго пророка.

Снова застоналъ худхудъ, и на этотъ разъ ближе... Какъ изъ каменной могилы, отражаясь и дробясь на рѣзущіе ухо и тянущіе душу мотивы, слышались эти стрывистые звуки. Я былъ хорошо знакомъ съ ними, и въ горахъ Ливійскихъ въ Египтѣ, въ Феранѣ, дебряхъ Синая и Акабянскихъ альпахъ, я слышалъ не разъ эти звуки, дѣйствующіе обаятельно на самого хладнокровнаго человѣка; я зналъ, что страшный худхудъ не что иное какъ горная сова. Мнѣ припомнились тогда тѣ свѣтлыя майскія и апрѣльскія ночи въ лѣсахъ нашего сѣвера, въ Финляндіи, Пріонежѣ и на Уралѣ, когда я на зарѣ своей ски-